

Эльдар ВОРОНЦОВ

АЛМАЗНЫЕ ДВЕРИ

Детективный роман

Продолжение. Начало в № 8, 2024.

Глава 7

Динара. Алматы. Наши дни

– Бабушка, бабушка! Ты почему так долго дядю Валю провожала? – выпучив от возбуждения глаза, почти кричал Ержан. – Мама тебе звонила, звонила, а ты же телефон с собой не взяла. Я пока его нашел у тебя в сумочке, пока нашел...

– Ничего страшного, ты чего так разволновался? – осадила Каниша внука. – Сейчас я ей перезвоню.

– Не перезвонишь, – окончательно разнервничался внук. – У нее батарейка скоро сядет, она из самолета звонила. Она через пять часов уже в Алматы будет. Сказала, чтобы ты что-нибудь из еды приготовила. У нас е... е... есть продукты?

От волнения мальчишка начал заикаться.

– Всё есть! – заверила его Каниша, мысленно укорив дочь за то, что та не удосужилась известить о своем приезде заранее.

С Динарой так всегда – живет по своим правилам и на всех вокруг ей, как говорится, «фиолетово». Ну да что теперь, главное, доченька жива-здоровая и летит на родину.

Сидя за накрытым столом, бабушка и внук с нетерпением поглядывали в окно в ожидании такси. Наконец у входа в подъезд раздался шорох тормозящих колес, и Ержан, вцепившись ручонками в подоконник, прильнул к стеклу.

– Ничего себе, сколько чемоданов! – прошептал он, глядя, как проворный таксист вытаскивает из багажника объемные сумки. – Может, мама навсегда вернулась?

Динара в длинном черном плаще с закатанными рукавами и рваных джинсах, прижимая к уху смартфон и не переставая общаться с невидимым собеседником, подняла глаза к родному окну и, увидев своих, приветственно поманила им рукой, увешанной многочисленными браслетами и цепочками. Динка любила всё яркое, модно-вызывающее и дорогое. Она как две капли воды походила на Алмаза, даже косая густая челка на пол-лица, как у отца в молодости. Правда, волосы не черные, а крашенные. Она вообще любила и с цветом, и с прическами экспериментировать. Вот сегодня в её волосах даже с третьего этажа видны контрастные рыжие пряди. Каниша уже хотела выдохнуть, что не кислотно-розовые или зеленые, но, как оказалось, рано радовалась. Дочь на секунду повернулась к ним другим боком и продемонстрировала бритую под троечку часть головы.

– Ой! – не сдержалась Турсунова старшая.

– А мне нравится! – поняв бабушкин испуг, вступился за мать Ержанчик. – Мама еще очень молодая и должна следить за модой. Зато сразу видно, что из-за границы вернулась.

Динка переговорила с таксистом, сунула ему в руку купюру, и тот, убедившись, что никому не заслоняет проезд, подхватив поклажу, рванул к дверям.

Целоваться, обниматься и радоваться встрече начали с самой прихожей.

– Вы мои хорошие! – восклицала Динара, обнимая то мать, то сына.

Она источала смесь незнакомых и каких-то чуждых, но безумно притягательных ароматов – изысканных духов, кофе и легкого дорого табака. Возбуждение спало лишь тогда, когда, переодетая в домашний халат, долгожданная гостья уселась к столу.

– Уууу... – закрыв глаза, она втянула носом запах разогретой баранины. – Мамуля, ты как всегда. Представляю, как это вкусно.

– Ну так ешь на здоровье. – Каниша взяла было тарелку дочери, чтобы положить ей самый лучший кусок, но тонкая холеная рука с длинными ногтями перехватила её запястье.

– Нет, мамочка, я на диете. Поем салатик...

– На какой еще диете? – Каниша окинула взглядом тонкую фигуру дочки. – Дина, да у тебя дефицит веса, я тебе как врач говорю.

– Жаль, что мой продюсер так не считает... – звонко рассмеялась Динка.

– Мама, ты что, станешь певицей? – обрадовался Ержан. – Вау, как круто! Мама, а ты рэп будешь исполнять?

– Какой еще певицей? – заволновалась Каниша. – Маме уже двадцать девять.

– Еще двадцать девять, – подмигнула сыну Дина, нанизывая на вилку овощи прямо из салатницы.

– А через полгода тридцать, – настойчиво напомнила мать.

– И это кошмар! – округлив глаза, в тон ей согласилась Дина.

– Мам, ну ты так и не сказала, будешь певицей или нет?

– Нет, ежик, – Динара погладила мальчика по волосам, – я буду ведущей YouTube-канала о современной моде. И у нашего канала есть свой продюсер. Он изучает запросы зрительской аудитории, создает образ человека в кадре, например, меня, выстраивает маркетинговый план, ищет рекламодателей и всё в таком духе. Понятно?

Ержан кивнул, но заметно погрузтел.

– Ну слава Аллаху, – выдохнула Каниша и тут же поинтересовалась: – А как же твой парень? Сахиб, кажется. Он одобряет?

– Потом, мама, всё потом, – Динара указала глазами на Ержана. – Слушайте, а давайте подарки разбирать! Я вам столько подарков привезла!

До поздней ночи они разбирали чемодан с подарками. Чего тут только не было! Обувь, одежда, гаджеты для виртуальной реальности компьютерных игр, сладости и баночки с вкусными напитками. Каниша с тревогой наблюдала за возящейся с сыном Динарой. Откуда у дочери столько денег? Поэтому, как только перевозбужденный внук успокоился и сладко засопел в своей кровати, она позвала дочь на кухню для откровенного разговора.

Всё, что поведала Динка, было странным и загадочным.

По её рассказам, с Сахибом Пулеевым, сыном турецкого промышленного магната из давнишних казахстанских переселенцев, она познакомилась больше года назад. К тому времени он как раз разводился с женой. И словно упреждая недовольство Каниши, Динка пояснила, что такое не редкость. Ушлые красотки специально охмуряют богачей, по-быстрому рожают им детей, а затем разводятся, обеспечив себе безбедную жизнь отступными и взносами на содержание наследников. По мнению Динары, Сахиб влюбился в нее сразу, однако вел себя очень сдержанно и не торопил наступление близких отношений. Достаточно долго они просто дружили. Много разговаривали, делились планами, выезжали на пикники. Когда он наконец признался ей в любви и заявил, что с этого дня она должна переехать к нему на виллу, вмешался его отец.

Родителя звали Эйб, он был турком-месхетинцем, чьи предки были высла- ны в Казахстан во времена сталинских депортаций. Кроме этого Дина о бывшем соотечественнике ничего не знала. Пулиев старший и слышать о новой

пассии сыночка не хотел. Он отказался знакомиться с Динкой, а сына перевел на работу за тридевять земель, подальше от нее. Сначала Сахиб звонил и писал, но постепенно отношения сошли на нет. Динка ужасно расстроилась и, чтобы не сойти с ума от навалившейся депрессии, устроилась на работу барменом в один гостиничный ресторанчик. Именно там её и заметил Джон Ньютон, который рассказал о создании нового канала Fashion Industry.

Азиатская красота и грация, низкий приятный голос, тонкий юмор и смелый взгляд на самые оригинальные тенденции моды вкупе с хорошим турецким и неплохим английским – всё это совпало для Ньютона именно в Динаре. А когда он узнал, что у девушки есть десятилетний сын с проблемами движения, он тут же загорелся идеей создания линии одежды для особенных людей. Он уговорил Динку записать пилотный выпуск. Ролик превзошел все ожидания, и с Диной был заключен контракт.

– И что теперь? – дослушав историю дочери, спросила Каниша.

– Теперь всё будет «в ёлочку!» – улыбнулась Дина. – Через три дня я улетаю обратно в Стамбул, а оттуда мы вместе с Джоном летим во Францию.

– Дина, но ты даже не наговоришься с Ержанчиком? Дина, как же так?

– Мамуль, всё будет ок, а сейчас я сделаю одну транзакцию, ты только не возражай.

Она взяла в руки смартфон и быстрыми отрывистыми движениями застучала по экрану.

Через мгновение в телефоне Каниши булькнуло входящее сообщение.

– Это кто так поздно? – удивилась женщина, с изумлением уставившись на экран. – Дина, зачем ты столько денег мне перевела? Тебе же лететь... чужие страны... да мало ли. Нам с Ержанчиком хватает, ты не беспокойся.

– Не переживай, мамуль, у меня еще деньги есть. А вы... Вы отдохайте, съездите куда-нибудь. Ты у меня еще совсем молодая. В Европе в твоём возрасте замуж выходят и детей рожают.

– Отстань! – смутилась Каниша и, вздохнув, добавила: – Мы будем сильно по тебе скучать.

– Не будете! – бойко заверила Динка. – Как только наш канал заработает, подписывайтесь и хоть каждый день на меня смотрите. Ержан разберется, я ему ссылку вышлю.

Время пребывания Динары в родном доме с матерью и сыном пролетело незаметно. Каждый раз, спеша со смены домой, Каниша с тревогой думала, как прошел день у детей. Ведь раньше бывало, что Ержан, оставшись вдвоем с молоденькой, толком не умеющей с ним общаться матерью, мог словно специально изводить её капризами. Жалуясь Канише, Динка называла сына избалованным эгоистом. Ержанчик же, жалуюсь бабушке, называл Динару злой и вредной. Слава Богу, на этот раз обошлось без ссор. Наверное, все повзрослели и стали терпимее. А может, Ержан стал намного самостоятельнее и мог во многом обходиться без помощи близких. В общем, так или иначе, но в эти дни дом Турсуновых был полон покоя и теплой душевной атмосферы.

Душевного равновесия хватало и на работу. Даже вынужденное нахождение рядом с Валентином Ивановичем не вызывало неудобств. Да и с чего вдруг ей нервничать? Подумаешь, один выходной вместе провели, и что с того? Ни он, ни его криминальное прошлое к ней, по сути, отношения не имеют. Наверняка при устройстве на работу те, кому положено, всё проверили и сочли возможным, чтобы водитель Иммель крутил баранку «скорой помощи». У каждого своя сфера ответственности. В отделе кадров проверяют, руководитель одобряет трудоустройство, водитель управляет машиной, доктор оказывает помощь пациентам. Всё же так просто... Или это только кажется?

Глава 8

Шапиро

И всё-таки Биба гений! Ну вот как у неё получается не забыть и не перепутать график выходных лучшей подруги, когда у самой дел хоть отбавляй.

– Этот Шапиро явно с прибабахом, ну или большой оригинал. Сначала хотел на семь утра тебе встречу назначить, – смеясь, доложила она Канише по телефону. – Но я-то ваш с Ержанчиком режим знаю. Как тебе с раннего утра ехать? Пока выспишься, пока себя и внука в порядок приведешь, пока позавтракаете. Нет, говорю, уважаемый Соломон Натанович, моей подруге только середина дня подходит... Тут он в стойку встал и уперся, я, говорит, человек, который своих планов никогда не меняет, и в середине дня буду в Ботаническом саду отдыхать. Вот ведь противный какой! Ладно, говорю, как скажете, она может и туда подъехать.

– Во сколько он будет меня ждать?

– Ровно в полдень, у пруда с лебедями.

– А как я его узнаю? – забеспокоилась Турсунова.

– Не смейся меня! Говорят, он всех насквозь видит, значит, сам тебя вычислит, – усмехнулась Биба. – Ну а на худой конец – не забывай про чудо техники, телефон.

* * *

Расположенный недалеко от центра города, Ботанический сад, бесспорно, одно из красивейших мест Алматы. Здесь, на территории более сотни гектаров, растут и радуют глаз семь тысяч представителей флоры со всех континентов земного шара. Однако представлять это место исключительно садом – неверно, на самом деле это некий симбиоз сада и леса одновременно. В некоторых его уголках густо растут высоченные ели и сосны, создавая иллюзию настоящего сказочного бора, где с ветки на ветку скачут любопытные белки и заливаются трелями птицы. Для любителей цветов высажены клумбы и газоны. Для любителей водоемов можно найти всё – от прудиков с золотыми карпами и лебедями до бассейнов в окружении диковинных магнолий или поющих фонтанов.

Каниша с Ержанчиком бывали здесь не раз. Гуляли по вымощенным плиткой аллеям, отдыхали в беседках, любясь ландшафтом, а на территории так называемого леса кормили белок.

Но сегодня ей было не до красот. Сегодня Каниша неслась по дорожке к центральному пруду, словно забег совершала. Биба предупредила, что Шапиро опоздавших не жалуется. Но куда было деваться, если зашла пожилая соседка. У казахов особое отношение к старшим, и некрасиво показывать нетерпение, тем более что соседка не просто поболтать заглянула, а пришла посоветоваться с Канишой как с врачом.

В результате она не успела погладить нарядное платье и отправилась на встречу в любимых джинсах, черной футболке и кроссовках.

«Седеющая девочка-подросток», – шутит Биба, когда видит подругу в таком образе. А Ержанчику бабушка в джинсах очень даже нравится. И когда волосы не в тугий пучок на макушке собраны, а затянуты бархатной резинкой в низкий стекающей по спине хвост.

– Бабуля, пообещай, что никогда волосы не сострижешь, – с раннего детства просил Ержан.

– Почему? – удивлялась Каниша.

– Чтобы всегда быть красивой! – уверенно заявлял внук.

Около пруда оказалось многолюдно, и тяжело дышавшая от бега Каниша поняла, что вычислить Соломона Натановича сразу не получится. Она доста-

ла визитку и набрала телефонный номер профессора. После того как в трубке раздались длинные гудки, стала наблюдать за отдыхающими. Не помогло! Из присутствующих здесь ни у кого не зазвонил телефон. Помаявшись, посмотрела на часы – пять минут первого. Неужели профессор настолько принципиален, что не счел нужным и пяти минут подождать? Да нет, вряд ли. Он наверняка здесь, а почему телефон не брал, так, может, батарейка села или звук отключен, а может, и вообще такие странные личности, как Соломон Натанович, не берут гаджеты на отдых.

С ранней весны и до поздней осени пруд с лебедями – место притяжения всех гостей Ботанического сада. Вот и сейчас Каниша насчитала более пятидесяти человек отдыхающих. Затем отбросила семьи с детьми, одиноких женщин, собачников и мужчин, которых трудно назвать пожилыми – в результате круг поиска сузился до четырех человек. Вот только к глубокому разочарованию Каниши все оставшиеся были типичными азиатами – смуглыми, с характерным разрезом глаз. В общем, пожилые казахи-интеллигенты, в одиночестве коротающие полуденное время в тени деревьев. Двое из мужчин так и вообще были в светлых вязаных шапочках, какие носят мусульмане.

Каниша уже хотела повторить попытку со звонком, как увидела странное сообщение: «Если не подойдете ко мне в течение десяти минут, я отменю встречу». Сердце бешено заколотилось в груди. Да он и вправду чокнутый – этот израильский профессор. Иначе зачем эти игры? Да пошел бы он...

«Сдаётся?» – тут же высветилось на экране смартфона.

«Никогда!» – ответила Каниша и быстрым шагом направилась к первой лавочке, на которой сидел мужчина в возрасте Шапиро в вязаной шапочке. Рядом с ним стоял пакет с фирменным логотипом сетевого продуктового магазина. С одной стороны, наличие головного убора подсказывало, что перед ней мусульманин, а пакет из продуктового – что он наверняка местный. Но с другой стороны, израильтяне тоже покрывают голову кипой, а внешний вид пакета еще не говорит о его содержимом. От таких размышлений в её голове созрел, как ей показалось, единственно верный план – обратиться к незнакомцу на казахском. Что может быть проще при попытке вычислить приезжего?

Подойдя поближе, она улыбнулась, поздоровалась и спросила разрешения присесть. Мужчина, сосредоточенно пишущий что-то в телефоне, удивленно вскинул брови и, окинув Канишу недобрый взглядом, снова уставился в смартфон и пробурчал на казахском, что в парке много свободных скамеек, а если она из этих, о ком он подумал, то он не её клиент, так как чтит свою жену. Жестокие слова словно кипятком обдали Канишу. Она соскочила, засуетилась, принялась извиняться, случайно задела и опрокинула на дорожку пакет, из которого выкатились две ярких баночки пюре из нута. Мужчина, перейдя на русский, назвал её растяпой и, склонившись, подобрал с земли покупки. Сгорая от стыда, Каниша уже хотела извиниться, но в этот момент из-за ворота рубахи «верного мужа» оказалась золотая цепочка, украшенная шестиконечной звездой Давида.

– Соломон Натанович! – укоризненно воскликнула она и облегченно рассмеялась. – Ну вы артист! А по-казахски так хорошо говорить сами научились? Единственное, за что переживаю, так это за ваш грим... Ну зачем вам этот маскарад?

– Какой еще грим? – обиделся Шапиро и, водрузив обратно на скамейку пакет с хумусом, для убедительности потер свою щеку и продемонстрировал женщине чистые пальцы. – Никакого грима!

Каниша пристыженно промолчала.

– Ладно, чтобы вы не терялись в догадках, отвечу по порядку! Встреча в неожиданном месте и необычные условия знакомства по моей методике помогают клиенту забыть домашние заготовки и по-новому взглянуть на взволновавшее

его событие, которое он сам для себя считает ненормальным. А еще такая театральщина позволяет незаметно тестировать человека и сонастроиться на его волну. Слышали такое слово – сонастройка?

– Конечно, – быстро ответила Турсунова и тут же полюбопытствовала: – И что? Я прошла экзамен?

– На твердую четверку! – хохотнул Шапиро. – Вы, Каниша Биржановна, лишь с гримом ошиблись! Это мое настоящее лицо. Мой отец был казах.

– Ваш отец? – округлила глаза Каниша. – Как интересно!

– Ну не в полном смысле этого слова «отец», – подмигнул ей Соломон, – на моей матери он никогда женат не был, и допускаю, что и о моем рождении ничего не знал. Но что было, то было... Тем более, что у нас, евреев, национальность признается сугубо по материнской линии.

Шапиро похлопал по деревянной поверхности скамейки, приглашая присесть.

– А как же казахский язык? Сами учили? – располагаясь рядом с Шапиро, поинтересовалась она.

– Не сказать, что прям так уж учил. Мы в СССР все на русском говорили. Но многие фразы и слова помню с детства. А если вы про мою сегодняшнюю тираду... то тут всё проще простого – у меня в телефоне аудиопереводчик, поэтому, когда вы ко мне обратились, я тут же прочитал перевод на экране. Затем набрал ответ и зачитал вам его перевод. У меня внук – программист, поэтому я по части всяких компьютерных нововведений не отстаю.

– Вот оно как, – покачала головой Каниша.

– Да! А теперь давайте вместе проанализируем, насколько вы заблуждались, не обнаружив на пяточке пожилого носатого еврея в сюртуке и пейсами на висках.

Шапиро громко рассмеялся.

– Про сюртук и пейсы я и не думала, – не могла сдержать улыбку Каниша. – А вы юморист.

– Отлично! Раз чутко реагируете на шутки, значит, вы не в депрессии... Поэтому можно начать работать! Предлагаю переместиться в одну чудную беседочку, где нам никто не помешает.

Он махнул рукой в сторону высоких деревьев. Уютная беседка с двумя скамейками и столиком посередине на удачу оказалась не занятой. Каниша достала из сумки платочек и быстро смахнула пыльцу и пылинки с сидений и столешницы. Она сделала это по привычке, так же, как делала много раз, гуляя с Ержанчиком. Затем, расположившись, выжидательно посмотрела на профессора.

– Итак, – уже совсем другим, сухим и серьезным тоном ответил на её взгляд профессор, – обещаю, что всё мной услышанное сохранится в строгой тайне. Расскажите всё и помните: чем больше подробностей, тем легче разобраться и сделать верный вывод. И еще... Мне бы хотелось включить диктофон.

– Я не против, – кивнула Каниша и, не теряя времени, приступила к рассказу о своем странном видении.

Она рассказала всё с самого начала. Вспомнила то, что видела в загадочных комнатах, то, как потеряла способность двигаться, увидев Алмаза. Каждое сказанное им слово и пережитые ею воспоминания.

Соломон Натанович прикрыл глаза и чуть заметно покачивался в такт её речи. В какое-то мгновение Каниша ощутила, что действительно находится с ним в одном ритме или на одной частоте. И от этого ей стало особенно легко, и память стала подкидывать дополнительные детали. Такие на первый взгляд незначительные...

Вот, например, упомянув о дорогой трости в последней комнате, она отчетливо вспомнила гравировку в виде восьмерки на рукояти, а в комнате с ка-

мином подробно описала фигурки мумми-тролей. И еще она вспомнила, как призрак Алмаза утверждал, что именно самая первая дверь является для нее главной. Она вспоминала и рассказывала о своей жизни, о подробностях того дня, когда сбежали брат и муж, забрав с собой её первого ребенка, и всё, что за этим последовало. Она говорила ровно до тех пор, пока Шапиро не остановил её сам. Он постучал пальцем по светящемуся на смартфоне циферблату, и Каниша ойкнула, увидев, как долго они общались.

– Достаточно, – подытожил профессор. – Вы не больны! Дай Бог всем такую нервную систему и светлый разум!

– Но разве у здоровых людей бывают галлюцинации?

Соломон Натанович внимательно посмотрел на Турсунову, пробуравил своим острым взглядом, словно раздумывая, как правильнее ответить на вопрос. Потом сложил влажные губы трубочкой и тихо присвистнул.

– Видите ли, Каниша... Природа галлюцинаций, как и природа сновидений, до конца не изучена. Вот, к примеру, такие ученые, как Шредер и Рыбальский, считали даже обычные сны галлюцинациями. Но я не считаю нужным погружаться в эти дебри сейчас. Поэтому и в терминах предлагаю быть мягче... Вот вы выбрали хорошее слово – видение. Отлично! Я же предложу только чуточку его изменить и поменять на виденье. Чувствуете разницу? В первом случае вы скептически относитесь к полученной информации, а во втором случае информация должна стать руководством к действию.

– А есть еще какой-то вариант?

– Конечно! Я блокирую гипнозом ваше видение раз и навсегда. Вы никогда не вспомните того, что произошло на вызове до момента разговора с истинными хозяевами дома.

Соломон Натанович отвел глаза и задумчиво вздохнул. Пауза затянулась. Шапиро не торопил женщину с ответом. Он даже вышел из беседки и стал прохаживаться около разлапистой ели, наблюдая за скачущей по веткам белочкой.

– Я выбираю, что это было виденье! – с вызовом произнесла Каниша. – Я никогда не верила, что они мертвы. Я хочу попробовать распутать клубок.

– Даже не сомневался! – обрадовался профессор. – Ваш типаж личности мне хорошо знаком – сам такой!

– Что я должна делать?

– Действовать последовательно. Как говорят англичане, «step by step». В нашем случае это будет звучать как «одна дверь за другой». Уверен, что вы уже догадались, что нужно найти всех хозяев виденных вами странных комнат. И я не сомневаюсь, что это исполнимо, ибо, как вам подсказали, все уже рядом.

Каниша испытала чувство облегчения. Ведь именно неизвестность о судьбах Амантая, Алмаза и Эльвирочки дамочковым мечом висела над ней все эти годы.

– Итак! – тоном учителя произнес Шапиро. – Как мне кажется, первая комната принадлежала холостяку со стажем. Отыщите этого человека в кругу ваших знакомых и постарайтесь поговорить с ним по душам. Думаю, при общении он волей-неволей даст вам нужную информацию.

– Но в кругу близких мне людей не никаких холостяков...

– А кто говорил о близких? – ехидно прищурился старик. – Подумайте хорошенько, это могут быть соседи, друзья друзей, сослуживцы.

– Сослуживцы... – вспомнила про Иммея Турсунова. – Есть такой сослуживец...

– Вот и хорошо! С него начните. Будет замечательно, если вы попадете к нему домой. И если он нужная нам персона, то вы узнаете одну из привидевшихся вам комнат. Действуйте! Будем на связи!

Глава 9

Комната холостяка

Поздним вечером, уложив Ержанчика, Каниша несколько раз прокрутила в уме варианты разговора с Валентином Ивановичем. Она подумала, что будет вести себя расслабленно, извинится полушутливым тоном и будет готова выслушать его историю.

В то, что по ходу рассказа Иммель всячески постарается себя обелить, она не сомневалась. Никто из бывших зеков, как правило, не считает себя виноватым. У них все плохое, и лишь одни они белые, пушистые и наивные. Да и ладно. В конце концов, её задача – терпеть и говорить на неприятную тему лишь для того, чтобы понять, связан ли как-то здоровяк водитель с её давнишней трагедией. Промелькнет ли в его рассказе знакомое имя или место. В общем, стать на время дотошной мисс Марпл.

Но всё пошло не так. Как говорится, человек предполагает, а Бог располагает. Утром за рулем машины скорой помощи сидел не Валентин Иванович, а Тахир – шустрый, дерганый с беспокойными глазами парень, похожий на встревоженного джейранчика.

Обалдевшая от неожиданности Каниша даже не поздоровалась. И вместо того, чтобы занять свое место, резко спросила:

– А куда делся Валентин Иванович? Почему он не на работе?

– Это не ко мне, – обиженно отозвался Тахир. – Мне начальник сказал на этой машине работать, я и выехал. Если вам что-то не нравится, идите и разбирайтесь...

– Не нравится, – подтвердила Каниша и, развернувшись, направилась к зданию больницы.

Разговор с главврачом был коротким. Объяснив, что водитель Иммель взял отпуск без содержания, руководитель лукаво посмотрел на Турсунову и пошутил про силу привычки и человеческие привязанности. А потом вдруг взял да и сам предложил Турсуновой тоже пойти в отпуск. В общем, вошла Каниша в кабинет руководителя смурным врачом-трудоголиком, а вышла из него счастливой отпускницей с подписанным заявлением.

Менеджер по персоналу, дружелюбная Сауле, порадовалась за Турсунову и, позвонив в бухгалтерию, сообщила, что причитающиеся по таким случаям деньги будут перечислены на карту Каниши без задержки.

– Что еще? – вежливо осведомилась Сауле, удивляясь, что докторша не топчется покидать её кабинет.

– Мне нужен домашний адрес Иммеля Валентина Ивановича, как узнать?

Сауле прищурила хитрющие глазки и с интересом посмотрела на Канишу.

– Только не спрашивай зачем. Просто скажи мне адрес! – упреждая шуточки сослуживицы, строго произнесла Турсунова.

– Ойбай! – протянула кадровичка. – Какие все серьезные...

Через пять минут Каниша уже сидела в машине скорой помощи, спеша с Тахиром на вызов. Последний день работы никто не отменял. Бумажку с адресом Иммеля она спрятала в кошелечке.

Ержанчик очень обрадовался, узнав, что бабушка долгих четыре недели не будет ходить на работу!

– Ура! – ликовал он. – Теперь мы с дядей Валею все окрестности облазим! Это ты из-за его рассказов отпуск взяла?

– Посмотрим, – сухо отвечала Каниша. – Вот завтра деньги получу, и вместе придумаем, как время проводить.

* * *

Майская ночь была теплой. Каниша крепко спала в своей кровати, когда из приоткрытого окна подул легкий ветерок и затрепетали тонкие занавески. Вместе со свежим воздухом в спальню влетел ночной сон. Во сне молодые и красивые родители, Биржан и Айгуль, склонились к изголовью спящей дочери.

– Девочка моя, – нежно произнесла Айгуль, – как же ты натерпелась в своей жизни. Но ты сильная, ты всё доведешь до конца.

– Жена, мне жаль нашу дочь, – нахмурился Биржан, – правда разобьет её сердце.

– Правда лучше неведения. Каниша закроет все двери и перестанет тревожиться. Она начнет всё сначала.

– У нашей дочери много седых волос, жена! Она уже не молода...

– Она еще очень и очень молода, – тихонько рассмеялась Айгуль. – Пусть её счастье будет поздним, но оно будет огромным.

Проснувшись, Каниша чувствовала себя великолепно. Она не помнила, что видела во сне, но точно знала, что там было что-то хорошее и родное. С большой фотографии на стене на нее с любовью смотрели отец и мать.

Иммель не соврал. Он действительно жил недалеко от магазина «Юбилейный», в одной из старых кирпичных трехэтажек. У подъезда звонить не пришлось. Беременная девушка с коляской медленно протискивалась в проем, придерживая тяжелую металлическую дверь рукой. Каниша помогла беременной и, пока дверь не захлопнулась, успела юркнуть в подъезд.

Валентин Иванович распахнул дверь сразу после звонка и замер на пороге. Он явно не ожидал увидеть Канишу! Немая сцена вполне бы подошла для кинофильма. Здоровенный дядька в спортивных клетчатых трусах и кухонном фартуке поверх мощного голого торса глупо улыбается, сжимая в руке нож.

– У меня на завтрак салат и макароны карбонара с копченой курицей! Будешь? В смысле будете? – забыв поздороваться, произнес Иммель.

Он запустил нежданную гостью в прихожую, и пока та снимала обувь, метнулся вглубь квартиры, вернувшись уже переодетым в джинсы и футболку.

Они сидели на маленькой, опрятной кухонке и пили чай. Угощая гостью, Валентин не задал ни одного вопроса. Шутил, балагурил – вел себя так, будто Каниша частенько заходит к нему на макароны. Турсуновой же не терпелось увидеть комнаты этой квартиры. Она очень переживала и даже сомневалась, правильно ли посчитала водителя первой ниточкой в запутанном клубке, который намеревалась распутать. Каниша намеренно долго пила из синей с белым орнаментом пиалушки чай, прикидывая, как вести себя дальше.

– У вас двухкомнатная квартира? – как бы между прочим спросила она.

– Да, от родителей осталась, – быстро ответил Валентин, – маленькая, конечно, но мне хватает.

– Вы вкусно готовите, – запустила она второй пробный шар, вспомнив, что в видении присутствовала тетрадка с кулинарными рецептами.

– Есть такое, стараюсь, – радуясь похвале, довольным голосом произнес Иммель. – Люблю кулинарные шоу смотреть, а если какой рецепт понравится – записываю.

Он протянул руку и, достав из выдвижного ящика стола пухлую тетрадку, передал её гостю. Сомнений не было – это была та самая тетрадь, которую видела Турсунова. Объемная, со множеством исписанных страниц и аляпистой обложкой с изображением рисованных зверушек.

– Валентин Иванович, я хочу, чтобы вы мне рассказали, почему сидели в тюрьме. Для меня это важно! – скороговоркой, не глядя на Иммеля, выпалила Каниша.

– Ах, вот в чем цель визита, – ухмыльнулся Валентин. – А то сажу голову ломаю. Не переживайте, Каниша Биржановна, я не педофил, не насильник и не вор. Я сидел за убийство... За убийство, которого никогда не совершал. Только давайте перейдем в гостиную. Там удобные кресла. Рассказ будет длинным.

Пройдя следом за хозяином, Каниша не удивилась, увидев знакомые кресла и ажурную салфетку на столике. Она не ошиблась – Иммель как-то связан с её прошлым.

Глава 10

Без вины виноватый. Алматы, 1995 год

Валек Иммель был, что называется, экстремалом – любил погонять адреналин. С детства ходил с родителями в горные походы, а когда подрос, то совершал восхождения с друзьями. Второй страстью после гор были лыжи. А точнее, прыжки с трамплина. Тренировался с удовольствием и, закончив школу, без раздумий поступил в Алматинский институт физкультуры на тренерский факультет.

Жизнь шла по плану, и после получения диплома симпатичный, пышущий здоровьем богатырь Иммель был направлен на работу в спортивную детско-юношескую школу олимпийского резерва. Молодой тренер легко сходился с детьми, и семи-, восьмилетние спортсмены старались не подвести своего тренера. Поездки на сборы и соревнования, частые отлучки из дома не причиняли неудобств. Жизнь в разъездах нравилась Валентину. По большому счету, он всем был доволен. Всем, кроме мизерной зарплаты... Но тут уж ничего не поделаешь, в такое время выпало жить. Все вокруг зарабатывали как могли. Кто-то из тренеров торчал в свободное время на барахолке, продавая товары, а вот Валентин свободными вечерами таксовал на старом отцовском жигуленке.

Тот декабрьский вечер он помнил так, как будто всё вчера случилось. На перекрестке он засмотрелся на красивую девушку в модной норковой шубке. Белый гладкий мех облегал стройную фигуру и струился почти до земли, ниспадая широкими фалдами. Капюшон накрывал лишь половину головы, и Валентин без труда рассмотрел красивое лицо с выразительными глазами, тонким носом и по-детски пухлыми губами. У незнакомки были длинные волосы, заплетенные в тугую косу, лежащую на груди поверх шубы. Девушка слегка повернула голову, и Иммель заметил большие серьги, украшавшие её уши.

«Вот ведь дурочка! – с досадой подумал он. – Скоро совсем стемнеет, а она нарядилась во всё дорогое и ходит одна. Не дай Бог обидят. В городе шапки с голов срывают, а тут такая шуба и серьги впридачу!»

Стоя на тротуаре, прелестница улыбалась своим мыслям и поглядывала на светофор.

Иммель решил рискнуть и предложил девушке подвезти её до дома. Та отказалась и, как показалось Валентину, разозлилась, отчего стала теревить большую украшавшую ухо сережку. Иммель отчетливо увидел, как золотое украшение соскользнуло и упало в снег. Он предупредил модницу, но та снова расценила его слова как приставание. Еле успев проехать на свой «зеленый», он не мог успокоиться и продолжал думать о беспечной девушке, которая даже не заметила своей потери.

Развернувшись, Валентин вернулся к месту. Припарковав машину, подошел к перекрестку и, пошарив в снегу, поднял золотую ромашку. «Вот и повод познакомиться, – подумал он. – Завтра дам объявление в газету, что нашел дорогую сережку, и буду ждать звонка. А там, при встрече...» Там он уже момент не упустит.

Возвращаясь к машине, заметил бегущих к нему девчонок. Они выглядели так, словно убегали от погони: куртки расстегнуты, вязаные шапочки съехали набок, а из незастегнутого баула, который они тащили вдвоем, взявшись с двух сторон за ручки, виднелись вещи.

– Пожалуйста, пожалуйста, отвезите нас в аэропорт! Мы опаздываем!

– В аэропорт – это можно! – хохотнул Иммель. – А то я уж подумал, что вы хату обнесли и теперь с вещичками убегаєте!

Сумка была размещена в багажнике, а девочки уселись на заднем сиденье.

– Без родителей в путешествие собрались? – поинтересовался Валентин и подмигнул подружкам через салонное зеркало. – Самостоятельные?

– Везите! – грубо заявила одна из девочек. – Не ваше дело! Мы платим, а вы везите.

Небыстрый путь до небесной гавани проходил под крики, стоны и рыдания, доносящиеся с заднего сидения. Пассажирки говорили на казахском языке и, как понял Валентин, спорили на тему маршрута. Та, что была побойчее, говорила, что лететь на самолете нельзя, и что, зарегистрировавшись на рейс, её спутница рискует быть обнаруженной. Вторая девушка тут же говорила, что уедет поездом, на что скептически настроенная подруга напоминала, что и там без паспорта не обойтись. В общем, когда до аэропорта осталось не больше километра, странные пассажирки стали упрашивать отвезти их на междугородний автовокзал. Валентин высказал им всё, что думал, но смилостивился – не бросать же непутевых малолеток на краю города с тяжелой сумкой. Отвез на автовокзал.

Придя домой, Иммель спрятал сережку в пустой баночке из-под воска для лыж и положил в стол. Перед сном он вспоминал красавицу незнакомку и размышлялся, как они встретятся, когда та приедет забирать свою пропажу. Однако подать объявление на следующий день у него не получилось – с утра позвонил старший тренер и велел срочно выезжать вместо него на иногородние сборы.

Вернувшись через три дня, Валентин был задержан милицией прямо около дома. Его обвиняли в похищении неизвестной ему Карлыгаш Байжановой, студентки медицинского училища, тысяча девятьсот семьдесят седьмого года рождения. На фотографии, предъявленной ему в райотделе, он узнал одну из беспокойных пассажирок, которые ехали в его машине сначала в аэропорт, а затем на автовокзал. При обыске автомобиля под задним сидением были найдены её шарф и перчатки, на одной из которых были обнаружены следы крови пропавшей Карлыгаш. Поначалу Валентин был уверен, что милиция во всём разберется. Но после того, как у следователя в кабинете появилась вторая пассажирка и с беспристрастным лицом сказала, что, провожая подругу в аэропорт, специально запомнила номер машины показавшегося ей подозрительным водителя, он понял, что дело швах. Никто, включая адвоката, ему не верил. Все требовали только одного – показать место, где спрятано тело.

На суде убитые горем Байжановы проклинали его и его семью, желая им всем скорейшей смерти и обещая, что не дадут им житья, пока сами живы. А сам Валентин хотел только одного – чтобы этот кошмар поскорей закончился и его отправили на зону. Видеть своих держащихся за руки и трясущихся мать и отца он был не в силах.

Ему дали десять лет и этапировали в Кустанайскую область, если точнее, в Кушмурун – исправительно-трудовую колонию № 33.

Отличная физическая форма и привычка к спортивным нагрузкам пригодились – зона не сожрала Иммеля. Хотела, но подавилась! Битый, но не сломленный бесчеловечными правилами, не загнанный «под шконку», Валентин, сжав зубы, подстраивался под условия нового существования. Он не стучал и

не прогибался, держался особняком. На работе выполнял норму, а в свободное время читал книги в библиотеке.

Старые люди говорят: «Хорошего человека жизнь помнет-помнет, да и отпустит». Со временем отстали и от него. Сидельцы со стажем утвердились во мнении, что «немчик – мужик нормальный» и трогать его не по понятиям. А потом Иммель даже другом обзавелся.

Аман появился на зоне после больнички. Видать, в серьезной переделке парнишка побывал. Лицо в глубоких шрамах, вечно нарывающая синюшная нога да катастрофически садящееся зрение.

Кум, начальник колонии, постоянно строчил руководству просьбы перевести от него хворого заключенного, так как, не ровен час, тот ноги протянет, да только всё было без толку.

На зоне откровенничать не принято. Вот и Аман про себя не распространялся. С Валентином их сблизила любовь к спорту. Они могли часами беседовать, вспоминая исторические футбольные и хоккейные матчи. Когда спортивные темы себя исчерпали, Иммель взялся читать Аману вслух, потому как тот не мог различать мелкого шрифта.

Валентин поражался стойкости товарища и страшно переживал, что Аман не дотянет до освобождения. На зоне витали слухи, что Аманчик «кинул» каких-то бизнесменов на кругленькую сумму, а когда за ним пришли, не раздумывая, убил двух человек. Говорили, что с зоны ему дорога только на кладбище, и не сильно гнобили, считая без пяти минут трупом.

Иммель получал посылки. Гостинцы присылали и родители, и бывшие друзья из тех, кто не поверил в его виновность. Как и полагается, Валентин представлялся перед сокамерниками, а остальное делил с Аманом. Того никто с воли «не грел». Друг объяснил, что вырос в детдоме. Он говорил, что потерял всех друзей и что на воле есть только одна любящая его женщина, которой он не причинил горя. И вот если бы поговорить с ней хотя бы по телефону, то ему наверняка стало бы легче ждать смерти.

В конце девяносто восьмого года у одного из авторитетных зеков появился сотовый телефон. Все об этом знали и молчали. Владелец «Nokia» давал позвонить только за деньги или за очень хороший подгон. Именно за такой звонок для друга Валентин пожертвовал целой посылкой, когда понял, что тот держится из последних сил. Кому и куда позвонил приятель, Валентин не знал. Только спустя неделю к тому на свидание приехала женщина. Потом появился адвокат с требованием изменить содержание тяжело больного Амана. А затем уж произошло и вовсе удивительное событие – Аман женился! Регистрация состоялась прямо в колонии, и, что еще неожиданней, Аман изъявил желание взять фамилию новоиспеченной супруги. А в девяносто девятом он и вовсе был освобожден по состоянию здоровья.

Наверное, счастье, как и горе, не приходит в одиночестве, а тянет за собой другие счастливые моменты. То, что произошло с Валентином в начале двухтысячного, иначе как чудом и не назовешь! Объявилась пропавшая пять лет назад Карлыгаш Байжанова! Объявилась живая и здоровая, да еще и привезла из Калмыкии двух прекрасных сынишек, чтобы познакомить их с дедушкой и бабушкой.

Как позже выяснилось, она просто сбежала в Элисту по большой и пылкой любви. Познакомилась, отдыхая на Иссык-Куле, с романтичным калмыком и влюбилась до потери пульса. Родители, строгие мусульмане, и слышать про сватающегося к их дочери иноверца не хотели. Да еще притом и калмыка, потомка джунгар! Видано ли дело! Больше ста лет длились казахско-джунгарские войны! Про борьбу казахского народа с джунгарскими захватчиками не одна книга написана. Именем героев той освободительной войны в Алматы полови-

на улиц названы. Предводители народа: Кабанбай, Наурызбай, Богенбай, Райымбек, мудрые бии: Толе, Казыбек, Айтеке – далеко не все выдающиеся личности тех событий. В общем, не быть потому древних джунгар родственником семьи Байжановых, и точка! Запретили даже упоминать его имя. Думали, поблажит, перебесится дочурка и за ум возьмется. Но дочурка была с характером и сбежала к любимому, наплевав на родительское благословение.

Как уж примирялись Байжановы с ситуацией после её чудесного возвращения – история об этом умалчивает. Но то, что родители Карлыгаш оказались людьми благородными – это сомнения не вызывает. Как истинно верующие люди, не приемлющие лжи и несправедливости, они тут же обратились в милицию и рассказали правду о поступке дочери. Именно Байжановы хлопотали о скорейшем освобождении Валентина Иммелья и, принеся невинному и его родителям свои извинения, пообещали, что до конца своих дней будут просить Аллаха даровать парню счастье и здоровье.

И кто знает, может, благодаря их искренним молитвам Валентин жив, здоров и сидит сейчас рядом с женщиной, которая ему милее всех на свете. А вот что ждет их дальше, того до срока не известно.

Дослушав невероятную историю, Каниша закусил губу и покраснела. Ей было стыдно перед Валентином. Стыдно за то, как поторопилась заклеить, не выслушав, как высокомерно разговаривала с ним.

– Ну почему я такая черствая? Почему мне мыслить шаблонами легче, чем потрудиться понять другого человека? – голос дрогнул и по щекам покатились слезы.

– Не плачьте, – попросил Иммель. – Знал бы, что так расстрогаетесь – не рассказывал бы.

– А можно один вопрос, Валентин Иванович? – хлюпая носом, как маленькая девочка, проговорила Каниша.

Иммель подошел к комоду и вытащил из него пачку новых носовых платков.

– Вот, возьмите, который понравится, и вытрите слезы. А про вопрос не сомневайтесь, на любой отвечу. У меня от вас теперь уже не осталось секретов.

– Вы рассказывали про сережку в виде ромашки. Можно на нее взглянуть? У меня в молодости были серьги, сделанные на заказ, и я одну из них потеряла...

– Мать честная, курица лесная! – постучал себя по лбу Валентин. – А я как с вами познакомился, так всё мучался, где вас раньше видел? Только не говорите, что у вас тридцать лет назад не было белой норковой шубки.

– Была! – рассмеялась Турсунова. – Так можно сережку посмотреть?

Лицо Валентина приняло грустное выражение.

– Нельзя, я её продал. Очень деньги нужны были.

– Да и ладно! – махнула рукой Каниша. – Продали и продали. Если честно, я про нее и не вспоминала, даже не знаю, где вторая валяется...

– Я не для себя продал, – стал оправдываться Иммель, – для Амана. Его жена все деньги и даже часть имущества потратила, чтобы его на волю отпустили. Они очень нуждались, и я помогал, чем мог. На ту сережку мы с Татьяной инвалидную коляску купили – Аману ведь ногу ампутировать пришлось.

– Получается, у него русская жена, у вашего друга? – зачем-то поинтересовалась Каниша.

– Да, русская, Татьяна Привалова, а он Амантай Привалов. Аман – это его сокращенное имя.

– Аааа! Ааааа! – теряя самообладание, закричала Каниша. – Амантай жив!

– Жив, хоть и очень больной, но жив... Вы что так разволновались? Я завтра к ним в Саумалколь уезжаю. Давно не был.

– Вы на чём? На самолете? На поезде? Мне срочно нужен билет! Я еду с вами! Она металась по комнате, плакала, смеялась, шептала молитвы, садилась в кресло и снова вскакивала на ноги. Такой доктора Турсунову Валентин никогда не видел.

– Я еду на машине, – не отрывая удивленных глаз от женщины, сказал он.

– Я еду с вами! – выпалила Каниша. – Решено, я еду с вами. Нужно только что-то придумать с Ержанчиком! Мой брат жив! Какое счастье, он жив! И пожалуйста, Валентин Иванович, не задавайте мне пока никаких вопросов! Я в дороге вам всё сама расскажу!

Глава 11

Мушель жаз, или все должны стать казахами

Легко сказать – придумать что-нибудь с Ержанчиком! Мальчишку словно с катушек сорвало – нет и всё! Слышать ничего не желает. Сидит, сопит, в компьютер уткнулся. На любимую бабушку глаз не поднимает, с приехавшей за ним тетей Бибигуль сквозь зубы разговаривает, а Иммеля так и вообще предателем назвал.

Трое взрослых уже битый час уговаривают Ержана на разные лады пожить на даче у Лукпановых всего каких-то дня четыре. Биба уже и шутки шутила, и всякими вкусностями заманивала, обещала, что все её внуки будут с ним играть, в бассейне плавать научат и даже на квадроцикле покатают.

Биба реально взмокла и, промокнув потный лоб платочком, с отчаянием посмотрела на Канишу.

– Прости, подруга, но я весь запас соблазнов исчерпала, пойду на балконе постою, в себя приду, – вздохнула она и вышла из комнаты.

Три часа назад, позвонив лучшей подруге и кратко изложив суть дела, Турсунова попросила Бибигуль забрать Ержана. Ержанчик уже оставался с ней несколько лет назад, когда Каниша была вынуждена уехать в другой город на похороны двоюродной тети по материнской линии. У банкира Лукпанова в доме было достаточно прислуги, и пребывание там мальчика самих хозяев по большому счету не напрягало. Огромное количество комнат, бассейн, тренажерный зал, сад с беседками и игровыми площадками произвели на Ержана сильное впечатление.

– Представляешь, бабушка, там столько места, что можно жить в одном доме и не встретиться! – восторженно рассказывал он Канише. – Они живут как сказочные короли!

– Завидуешь? – спросила тогда Каниша.

– Не знаю... – задумался мальчик, а потом вдруг отрицательно мотнул головой. – Нет! Там хуже, чем у нас... Там злой дядя Сакен, и я ему не нравлюсь.

Каниша в тот раз над словами внука посмеялась и, крепко прижав к себе, расцеловала в тугие щечки.

– Дядя Сакен очень важный и занятой человек, ему некогда улыбаться, – сказала она тогда внуку. Сейчас, вспомнив тот случай, Каниша подошла к Ержанчику и обняв за плечи прошептала в самое ушко: «Вы будете жить на даче... Дяди Сакена с вами не будет...» Ержанчик не шелохнулся.

– Я, конечно, человек для вашей семьи посторонний, – вмешался Валентин Иванович, – и боюсь снова навлечь на свою голову неприятности, только вот если «по-чесноку» – не вижу ничего страшного, если Ержан поедет с нами.

Каниша от неожиданности потеряла дар речи.

– А что? Часов за шестнадцать домчимся до Астаны, там можно в скромной гостинице переночевать, а с утречка рванем в Саумалколь и к обеду будем на месте.

Не говоря ни слова, Ержан, придерживаясь за стол, встал с места и, сделав без поддержки несколько быстрых шагов, уперся в Иммеля. Он обхватил великана руками и уткнулся лицом в его живот.

– Спасибо, дядя Валя! Я знал, что ты человек!

– Эй! Джигит! Не обижай бабушку! Она просто хотела, чтобы было лучше и ты не тряся всю дорогу в машине. – Иммель обхватил голову мальчика руками и ласково погладил своими большими пальцами.

– Мне с вами лучше! Я мечтаю трястись в машине! Я уже взрослый и хочу знать правду! Вот зачем вам так срочно нужно ехать?!

Он отпустил Иммеля и теперь уже обращался к бабушке.

– Ты всегда говоришь мне, что любишь меня, что я твое сердце... А какие секреты могут быть от сердца?

– Никаких, – устало махнула рукой Каниша. – Ладно, пойду извинюсь перед Бибой, и будем собираться!

– Я тоже поеду собираться, – заторопился Валентин. – А тебе, юный путешественник – задание, прочитай всё про Саумалколь – это место с богатой историей! Будешь нас в долгой дороге развлекать! Понял?

– Конечно! Я всё-всё прочитаю, – заверил Ержанчик.

Узнав, что Турсунова решила взять внука с собой, Биба только руками развела, дескать, делай как знаешь. Около входной двери замешкалась и хитро прищурилась: «А с этим, своим кавалером, ехать не боишься? Прямо пират какой-то – лысый, огромный».

– Да ну тебя, – улыбнулась Каниша, – я с ним уже полгода езжу, и ничего.

– Ну-ну, смотри там...

– Да ты о чём? – сделав вид, что возмутилась, подняла брови Каниша. – Мы едем к Амантаю! Валентин знает, где они живут...

– Ну дай Аллах, чтоб твой брат нашелся!

Биба чмокнула подругу в щеку и удалилась.

Выдвигались из города в пять утра, чтобы добраться до трассы без пробок. Каниша, как всегда, уселась рядом с водительским местом, а Ержан получил во владение всё заднее сиденье, которое заботливая бабушка превратила в настоящий уютный диван – тут и мягкий плед, и подушки с двух сторон.

– Везунчик! – пошутил Валентин Иванович. – Пообещай мне – когда я буду старенький, ты будешь так же меня катать на заднем сидении, с подушками.

– Когда ты будешь старенький, никто никого возить не будет! – многозначительно заметил Ержан. – Все машины будут управляться роботами! Между прочим, в Китае уже даже беспилотное аэротакси запустили! Водителей вообще не будет!

– Да в жизни я бездушному роботу не разрешу твою бабушку возить! – сурово ответил Валентин и сел за руль.

Зря тревожилась Каниша о том, как будет чувствовать себя внук в длительной поездке. Всё прошло хорошо. Больше волнений ей доставила реакция Ержана, когда, выслушав вместе с Валентином Ивановичем рассказ о событиях тридцатилетней давности, мальчик долго молчал и лишь потом обиженно заметил, что бабушка могла бы и раньше посвятить его в семейные тайны.

– А мама знает? – затаив дыхание, спросил он. – Знает про свою сестру?

– В общих чертах, – призналась Каниша. – Но она, как и все, считает её умершей. Её, своего папу и дядю Амантая.

– Получается, только я ничего не знал? Даже фотографии и те ты попрятала, – он тяжело вздохнул.

– Я бы рассказала, – словно оправдываясь, сказала Каниша. – Вот стал бы постарше, и я обязательно бы тебе рассказала.

– Постарше? – хмыкнул Ержан. – Да мне уже двенадцать! Или ты считаешь, что у меня задержки в развитии?

– Нет! Зачем такое говоришь?! – испугалась Турсунова. – Ты очень умный, ты очень начитанный и образованный ре... подросток.

Она хотела сказать ребенок, но вовремя спохватилась.

– Тогда вообще не понимаю. Если ты и вправду меня считаешь умным, как долго еще хотела молчать?

Каниша закрыла глаза и откинула голову на подголовник сидения. Она не знала, что ответить. Да она вообще не планировала откровенничать с Ержаном на эту тему! Зачем?

– Бабушка! Я задал вопрос! – не отступал Ержан.

Каниша понимала, что прямо сейчас ей предстоит сдать экзамен на доверие внука. Его сейчас не обмануть. Вон он весь как струна натянутая. Ждет, что она ответит! Переживает – видит ли бабушка в нем свою опору, рассчитывает ли на внука как на подрастающего мужчину или нет? А может быть, его инвалидность навсегда вычеркивает его из числа людей, с которыми делятся насущными проблемами и от которых ждут помощи?

– Ничего странного, – тихо произнес крутящий баранку Иммель. – Это просто обычай.

– Какой еще обычай? – переспросил Ержан.

Каниша, приоткрыв глаза, тоже с интересом покосилась на мужчину.

– Про мушель жас слыхал? – заговорщицки проговорил Валентин и, не дав пареньку опомниться, тут же продолжил: – Мушель жаз – двенадцатилетний период жизни человека, который требует особого внимания. Это пришло к нам из глубины тысячелетий и связано с тенгрианством. Короче, тенгрианский календарь состоял из пяти двенадцатилетних мушелей, или циклов жизни человека, и имел магическое значение.

– Аааа, – протянул Ержан, – я понял! Вы хотите сказать, что у меня сейчас период мушель жаз? Я знаю про мушель жаз! – он явно воспрял духом. – Бабушка, помнишь, когда к тебе на день рождения приезжала старая тетя Роза, она еще тогда над тобой молилась и говорила, как тебе нужно себя беречь и стараться не расстраиваться. Она всё время повторяла мушель жаз, мушель жаз.

– Ну вот видишь! – подключилась к разговору Каниша. – Ты всё помнишь и понимаешь. Вот и я ждала, когда закончится твой мушель жаз, чтобы всё тебе рассказать. Думала, как минет тринадцать, так и поговорим обо всём.

– Еще вопросы есть? – подмигнув в салонное зеркальце, поинтересовался у Ержана Иммель.

– Нет! – широко улыбнулся мальчик. – Я всё понял! Только вот интересно, откуда ты, дядя Валя, про казахские традиции знаешь? Ты же русский по национальности?

– Ну, для начала я немец. И все мои родственники, включая стареньких родителей, переехали и живут в Германии, – назидательно произнес Валентин. – А сам я себя считаю коренным казахстанцем! Я вообще против разделения людей по национальному признаку – кто на какой земле родился и где живет, тот тем и является. В Казахстане все должны называться казахами... Ой! Само по себе вырвалось... казахстанцами, – засмеялся Иммель, поглядев на развеселившихся вслед за ним Канишу и Ержана.

– А что, мне нравится! – развеселился Ержан. – В Америке же говорят афроамериканец, когда хотят сказать о чернокожем человеке. Вот было бы здорово если бы у нас так говорили. Например, русоказах или германоказах, или корееказах...

Ержан разошелся и без устали придумывал новые слова, прибавляя к слову «казах» все известные ему национальности.

– Успокойся! – шикнула по-казахски Каниша. – Хватит уже, может, не все хотят быть казахами.

– А вот и зря вы так, Каниша Биржановна, очень даже все захотят, когда узнают происхождение это замечательного слова – казах, – вступился за мальчишку Иммель и, повысив голос, выдвинул свой главный аргумент: – Слово «казах» в переводе с древнетюркского означает «свободный, вольный, независимый человек»! Так-то! Поэтому только глупый и трусливый откажется называться казахом! По мне так казах – не национальность, а состояние души!

– Да ладно?! – удивился Ержан. – Тогда я за то, чтобы все люди на планете в душе стали казахами!

Поздним вечером, на последней заправке перед Астаной, сходили в туалет и пополнили запасы воды. Выходя через стеклянные двери, столкнулись с подвыпившей троицей громко кричащих мужчин, которые буром пытались вломиться в помещение.

– Эй, народ! – недовольно обратился к ним Иммель. – Дайте-ка нам сначала выйти!

– Че ты сказал? – зло пробормотал круглолицый крепыш и грозно сдвинул брови. Остальные тут же смолкли, воинственно уставившись на Валентина.

– Ты че, командуешь мне что делать, русский?!

– Он – германоказах! – выпалил на одном дыхании Ержан и, опираясь на трость, сделал шаг вперед.

Увидев ссутулившегося мальчика-инвалида, нарушители спокойствия на секунду притихли, но потом снова загомонили:

– Как это германоказах? – заржали пьяные. – Немец, что ли?

– Немцы в Германии! – выкрикнул Ержанчик. – А мы в Казахстане! И тут все казахи, только разные...

– Ну ты даешь, пацан! – присвистнул один из компании. – Ну только если все тут у нас будут казахами, как, по-твоему, нам называться?

Парни снова заржали.

– Мы казахи в квадрате! – не задумываясь, ответил Ержан, и шатающейся походкой первым вышел на улицу сквозь расступившуюся толпу.

– Дерзкий у вас мальчишка! – задумчиво произнес зачинщик скандала, буравя взглядом Валентина. – Уважаю!

– Какой есть! – огрызнулся Иммель и, пропустив впереди себя встревоженную Канишу, которая догнала Ержанчика, намеренно задержался около разгульной троицы. Тюрьма научила Валентина не только полюбить книги, но и неплохо драться. Если эти трое не успокоятся сами, то он сможет их успокоить.

– Да не переживай, мужик, мы же просто пошутили.

Круглолицый обошел вокруг Валентина и встал напротив. Иммель развернулся – находиться к противнику спиной нельзя.

– Да вижу, вижу, что не трус, – хмыкнул неугомонный незнакомец. – Вон ручищи какие... Дай хоть пожму, что ли...

– Я тебе руки не подам, – по-бычьи нагнув голову, отозвался Валентин.

– Да ладно тебе, – не унимался круглолицый. – Ты извини меня, я ведь по-братски хочу расстаться. От чистого сердца прощения прошу, что неправильно себя повел.

Он протянул руку и посмотрел Валентину в глаза. Валентин, не ожидавший такого поворота, на мгновение растерялся и, коротко пожав протянутую ладонь, поспешил к машине. За его спиной раздался смех, после чего странная троица скрылась в здании автозаправки.

Они стояли у машины, и Турсунова вполголоса снова выговаривала Валентину о том, что, как бы там ни было, но Ержан «специальный» ребенок, и устройство его психики отличается от обычных детей.

– Валентин Иванович, мне кажется, вы его провоцируете на какие-то фантазии. Хорошо, что здесь обошлось, а если он где-нибудь подобное ляпнет?

– Да что такого крамольного Ержан сказал? – оборонялся Иммель. – Ты... Вы... Вы почему так каждое его слово контролируете?! Он же мужик! Понимаете, мужик! Неважно, хромой, не хромой, ходячий, не ходячий. Дайте ему право быть собой! Дайте ошибаться! Дайте мечтать! Делать свои собственные выводы, иметь свои собственные фантазии! Вы как себе представляете его взросление? Он что, пардон, конечно, должен смотреть и воспринимать мир вашими глазами, глазами почти пятидесятилетней женщины? Вам от этого не страшно?!

Задняя дверца машины, где сидел Ержан, отворилась.

– Дядя Валя, не кричи на мою бабушку, – попросил он. – И поехали уже в гостиницу... Спать охота.

– Прости, – машинально проговорил Иммель, а затем посмотрел в глаза Каниши и снова повторил: – Прости!

– И вы меня, Валентин Иванович, извините, – улыбнулась женщина. – Всё навалилось, нервы на пределе.

Глава 12

Встреча

С утра Канише уже не терпелось покинуть гостиницу и поскорее отправиться в Володаровку. К новому названию поселка она так и не привыкла, всё время по старинке называя Саумалколь. За завтраком сидела такая взволнованная, что кусок в горло не лез. Её волнение передалось Иммелю, и лишь Ержанчик вел себя как обычно, уплетая яичницу с сосисками и размышляя на тему, обрадуется ли его приезду дядя Амантай.

В дороге мальчик без умолку рассказывал всё, что прочитал о поселке перед отъездом. К сожалению, информация была безрадостной – ведь в СМИ Саумалколь именовали не иначе как «мертвым городом» или «городом-призраком».

В поселок въехали со стороны многоэтажек бывшего рудничного микрорайона.

У Каниши сжалось сердце, она с сожалением разглядывала пустующие высотки с выбитыми стеклами и разрисованными всякой ерундой стенами. У здания бывшей больницы обвалилась крыша и так и лежала грудой никому не нужных обломков.

– Бабушка, ты правда здесь жила? – не выдержав, спросил Ержан.

– Здесь всё было по-другому! Совсем по-другому, – словно оправдываясь, ответила она.

– А я думаю, всё здесь обязательно наладится, – бодро произнес Валентин. – Вот я сюда уже много лет приезжаю, и с каждым годом всё лучше и лучше. Поселок оживает.

Он притормозил и махнул рукой вглубь микрорайона.

– Вон, видите, машины у домов стоят? Говорили, местный аким начал эти «заброшки» реанимировать и людей заново расселять. Не всё сразу... Потихоньку, полегоньку, но делают. Тут ведь природа какая роскошная! Посмотрите только, сколько вокруг зелени! А озеро? Вот сейчас к дому Амана... Амантая подъедем, там у него такой огород огромный, и всё растёт.

Он прибавил газу и, свернув на соседнюю дорогу, поехал на другой край поселка. Здесь было оживленно. Поселок как поселок – аккуратные домики по обеим сторонам. Есть скромные, а есть и побогаче. Около одного, огороженного ровным коричневым штакетником, Иммель остановил машину.

– Ну вот, приехали! – объявил он.

В огороде, склонившись над грядками, копошилась женщина в стареньком спортивном костюме сиреневого цвета.

– Татьяна Леонидовна! – крикнул Валентин. – Встречай гостей!

Женщина выпрямилась и, поправив съехавший на бок платок, стала стягивать с рук перчатки.

– Танюшка! – не выдержав, воскликнула Турсунова и, выскочив из машины, побежала к забору. Она распахнула калитку и, прыгая между рядков, засаживая зеленую, устремилась к Приваловой.

– Каниша! – охнула огородница и распахнула руки для объятий.

Они стояли посреди огорода и не могли разжать рук. Подруги, встретившиеся через столько лет, только всхлипывали и вздыхали. Валентин Иванович открыл багажник и, вытащив увесистую сумку, направился к дому. Ержанчик, сидя в машине, снимал бабушку и незнакомую ему женщину на видео.

– Валек, ты лекарство привез? – придя в себя, обратилась к Иммелю Таня.

– Всё привез, не переживай!

– Прости, Каниша, я вас ждала, ждала, да и выползла траву полоть. Так-то время быстрее идет. А то знаешь, Валентин как позвонил, как сказал, что вы вместе приедете – мы с Амантаем места себе не находили. Не думали, что когда-то свидимся! А где внучок наш? Ему же, наверное, помочь нужно? Валёк всё нам рассказал... Ты молодец, что держишься, – грустно улыбнулась Таня.

– Это ты молодец! – тут же отозвалась Каниша. – Столько на себя взвалила! Ты, Танюшка, героиня! Не унываешь! Да еще и выглядишь прекрасно.

Если Каниша и лукавила, то самую малость. Татьяна Привалова действительно выглядела неплохо, заматерела, конечно, фигурой; волосы вон не красила давно, морщинки на загорелом лице да руки со вздувшимися венами. Но да разве это главное?! Главное, жива, здорова и улыбается в тридцать два белоснежных зуба.

– Некогда мне унывать, – хохотнула Привалова. – Теперь всё на мне. Раньше родители с огородом помогали, а теперь... Куда им? Отцу восемьдесят один, маме через год восемьдесят стукнет. Да что мы застыли? Я ведь стол в доме накрыла!

– А Амантай? Он в доме? – с нетерпением спросила Каниша. – Как он отнесся к тому, что я приеду?

– Два дня пил от переживания. Ругал Вальку, что тебя везет... Сейчас вроде успокоился, с утра даже побрился и свежую рубаху одел. Ступай к братцу, сама всё поймешь.

Каниша зашла в дом последней. А оказавшись в просторной комнате, посередине которой красовался накрытый стол, долго не могла поднять глаз и посмотреть на сидящего у стола мужчину, рядом с которым разместился Иммель. Молчал и брат.

– Тетя Таня, – неожиданно произнес Валентин, – а покажи-ка нам с Ержанчиком своих курочек! Ты ж говорила, они у тебя какие-то особенные! Декоративные!

– Точно, – всплеснула руками Привалова, – айда моим зоопарком любоваться!

Валентин легко подхватил Ержана на руки и направился к двери.

– Ну дядя Валя, – запротестовал мальчик, – может, после того как поедим? Здесь столько всего вкусного. Я есть хочу!

– Потерпи, джигит! – хохотнул Иммель. – Не убежит от нас угощение.

Они остались вдвоем. Брат и сестра. А все слова испарились, исчезли. Нет ни радости, ни злости, и уж совсем не хочется высказывать претензий. Пусто на душе у Каниши.

– Ну, давай! – первым нарушил молчание Амантай. – Давай, скажи мне, что я сволочь, подлец, ничтожество! Ты будешь права! Я тебя слушаю, ты ведь за этим приехала?! Добей калеку!

Последние слова словно кипятком ошпарили. Каниша вздрогнула и, закусив губу, заставила себя посмотреть на Амантая. Сначала в голове мелькнула страшная, пронзительная мысль, ужасающая своей бесчеловечностью: «Лучше не жить, чем жить как он!» Это не её брат! Где ты, рослый, улыбчивый Амантай? Где твои лучистые глаза, густые волосы и сильные руки? Кто этот похожий на прозрачного паука тощий, одноногий человек в инвалидном кресле, с отвратительной ухмылкой на сером лице и татуировками на пальцах?

– Что-то мало гостинцев сестра-миллионерша родному брату привезла!

Амантай покосился на дорожную сумку Иммеля, затем протянул руку к стоящей на столе бутылке и, налив водку в рюмку, выпил не закусывая.

– Уезжай, а? Мы с Танюхой сами справимся. Забудь про нас!

– Амантай! Ты о чем?!

Каниша подошла к брату и, обхватив его, принялась целовать и гладить седые волосы, впалые щеки и костлявые плечи. На нее пахло перегаром, но она не отпрянула, а только сильнее прижала к своей груди голову родного человека.

– Братик мой, братик мой любимый, – шептала она. – Что такое ты говоришь? Я ведь не знала, что ты жив! Это случайность! Это счастье, что мы снова вместе! Я больше не держу на тебя зла. Столько лет прошло! Я простила тебя и Алмаза простила. Мы должны поговорить! Ты должен мне рассказать, где похоронен мой муж, где искать Эльвирочку. Мы с тобой теперь не расстанемся. Успокойся! Я, конечно, не миллионерша, – Каниша нервно хохотнула, – но я работаю врачом. Я придумаю, как можно тебя подлечить. Я договорюсь о хорошем протезе. Ты же еще совсем не старей.

Обнимая Амантая, она задыхалась от сострадания. Она чувствовала, как из глубины души поднимается и расправляет крылья любовь к родному мужчине. И пусть он сейчас жалок, но она, она сделает всё, чтобы вернуть ему силы и дать надежду.

И тут словно гром среди ясного неба...

– Каниша, ты хочешь сказать, что у тебя отобрали все бриллианты?

– Какие бриллианты?

Турсунову будто ледяной водой окатили.

– Бабушка, ты должна обязательно посмотреть курочек тети Тани! – В дверях появился Ержанчик. Он лукаво посмотрел на Канишу и Амантая и, присев к столу, налил себе минералки. Брат выразительно посмотрел на Канишу и торопливым движением поднес палец к губам. Каниша согласно кивнула.

– За воссоединение дружной семьи! – провозгласил мальчик и шумно отхлебнул из стакана. Вошедшие следом Иммель и Таня засмеялись.

– А внучок у нас огонь! – засмеялась Татьяна. – Будет кому варенье из запасов деда Амана и бабы Тани подъедать!

– Позже договорим, – тихим голосом попросил Амантай. – Я расскажу тебе всё, что знаю.

Глава 13

Бесприигрышная тема. Алматы, 1994 год

Лука назначил встречу в ресторане «Иссык». Легендарное заведение при гостинице «Алма-Ата» с 1967 года располагалось в историческом центре столицы. Да, тогда еще Алма-Ата была главным городом Казахстана, до переноса столицы на север оставалось всего четыре года.

Алмазу не понравилось, что банкир, приглашая его на важный разговор, попросил приехать одного, без Амантая, но перечить не стал. Да и как? В их бизнес-сообществе он самый младший. А у казахов тот, кто младше, тот и помалкивает. К тому же и Лука, и Эдик – местные, уважаемые люди, не ему, приезжему, чета. Все предложения, на которых они с Амантаем деньги поднимают, от них исходят. Почитай три года он с ними. Сначала с Эдиком познакомился, а позже тот представил его банкиру.

Автосалон, которым руководил шустрый кавказец, располагался неподалеку от конструкторского бюро, где, стоя за кульманом, влачил свое безденежное существование Алмаз. Поглазеть на крутые новенькие тачки было в ту пору для выпускника архитектурного института Жентуриева чем-то вроде приятного развлечения.

Придя в салон, Алмаз заваривал кипятком из кулера дармовой чай в пакетиках, трескал дешевые карамельки из вазочки на ресепшен, болтал с девчонками-менеджерами и тихо завидовал покупателям, которые могли себе позволить купить роскошный седан или даже внедорожник.

Девчонки за стойкой понимали, что он не покупатель, но всё равно строили ему глазки и кокетничали, когда он подходил за конфетами или рассматривал обновленный буклет с ценами на машины. Может быть, девушки надеялись зарканить стильного красавчика. И вряд ли стали бы привечать Алмаза, узнай, что этот улыбочивый симпатяга однолюб и с нетерпением ждет дня, когда его избраннице исполнится восемнадцать.

В тот вечер, поедая конфеты, он развлекал девушек анекдотами. Зазвонил стоящий на стойке телефон. Все смолкли, и одна из девушек подняла трубку. Она несколько раз произнесла слово «да» и с удивлением уставилась на Алмаза.

– Тебя наш директор вызывает! Говорит, чтобы ты к нему в кабинет пошел!

Девушка махнула рукой в сторону лестницы, ведущей на второй этаж.

– Я? – Алмаз ткнул себя указательным пальцем в грудь.

– Беги! Он велел, быстро!

В накуреном кабинете, с сигаретой во рту, сидел очень колоритный мужчина, похожий на колобка с лицом сицилийского мафиози. От добродушного пончика ему достались низкий рост, узкие покатые плечи и живот. А от мафиози – большой нос с горбинкой, густые темные брови и бегающие, хитро поблескивающие черные глаза.

– Можешь звать меня Эдик, – без предисловий сказал директор салона.

– Алмаз, – Жентуриев приблизился к креслу, в котором сидел «колобок» и протянул руку.

Он еле сдержал себя от ухмылки, почувствовав в своей ладони мягкую, словно тряпочную руку Эдика.

– Предлагаю тебе заработать, – с места в карьер начал пухлыш. – Судимости, непогашенные долги и всякая такая фигня с государством есть?

– Нет! Откуда? – продолжая стоять и вдыхать ненавистный табачный дым, бодро отпарпоровал Алмаз.

– Короче, завтра к девяти часам с паспортом ко мне. Приедут юристы-шмуристы всякие, оформим на тебя одно предприятие. Тебе понравится! Работы почти никакой, а денежки капаят! Если всё получится, будем дальше дела делать. Свободен!

– Но вы даже ничего обо мне не знаете, – пролепетал Алмаз.

– Ошибаешься!

Эдик просеменил к стене и поднял жалюзи. Из его кабинета открывался полный обзор огромного помещения салона.

– А это, – он ткнул коротким толстым пальцем в сторону девушки на ресепшене, – моя племянница. Так что я давно за тобой наблюдаю.

Они сработались!

С тех пор открытая на Жентуриева фирма заключала договора с автосалоном на разные услуги. Например, ремонт офиса, поставка запчастей или изготовление рекламы. Всё это было надувательством чистой воды. На самом деле через предприятие Алмаза списывались деньги, которые, поступив на счет, тут же распределялись по неизвестным реквизитам, за минусом определенной суммы, остававшейся в распоряжении новоявленного бизнесмена.

Первая дерзкая афера была проделана с фиктивным выпуском рекламного ролика для салона. Благодаря этому минутному фильму Эдик умудрился прикарманить целый миллион долларов! Всё было проще простого...

Нечистый на руку оператор «Казахфильма» смонтировал из разных нарезок сюжет, в котором под бой барабанов и танцы африканских туземцев по пыльным дорогам неслись, обгоняя друг друга, крутые джипы, а снизу бегущей строкой мелькал адрес автосалона Эдика и телефоны отдела продаж. Алмаз тогда сварганил левые договора с телевизионными каналами Узбекистана, Таджикистана и Молдовы о размещении ролика в их сетке вещания. В общем, ни одна проверка подкопаться не смогла. Из тех украденных и выведенных из-под налогообложения денег оператор получил десятку зеленых, а Алмаз целых двадцать пять.

Через год к Жентуриеву присоединился Амантай. Теперь они вместе мажорили документы и мотались, исполняя поручения Эдика.

Про Луку директор салона говорил с придыханием и никогда в присутствии парней не называл его фамилии. Лука да Лука. А что это, имя или прозвище, Алмаз с Амантаем не знали. Видели этого лощеного хлыща со спортивной фигурой несколько раз у Эдика в кабинете, который однажды представил их банкиру, но дальше этого пока не заходило.

А сегодня... Ну надо же! Лука сам про него вспомнил и позвал в ресторан.

Стоя в полупустом зале, Алмаз пристально рассматривал немногочисленных посетителей. Луки нигде не было. От барной стойки к нему поспешил официант.

– Алмаз, пойдете за мной, я провожу вас в VIP-кабинет.

В отдельной комнате с тяжелыми бархатными шторами и огромной хрустальной люстрой за накрытым столом сидели Лука и Эдик. Алмаз поздоровался и пожал мужчинам руки.

– Присаживайся, дорогой, – засуетился директор автосалона. – Расскажи, как семья, как жена, дочка? Когда в новую квартиру въедешь? Ремонт закончился?

Понимая, что все эти вопросы всего лишь вежливая формальность, Алмаз долго разглагольствовать не стал, ответив коротко, что всё идет по плану.

– Ну и отлично! – похлопал его по спине Эдик. – А мы тут с моим уважаемым другом, – он кивнул в сторону банкира, – одно очень интересное дельце обмозговываем. Хотим, чтобы и ты в нем поучаствовал. Ты человек надежный, проверенный... Сам знаешь, как я тебя уважаю.

В это время Лука, не проронив ни слова, разлил по бокалам дорогой коньяк.

– Давайте выпьем, чтобы у нас всё получилось!

Голос Луки был низкий и глуховатый.

Послушно осушив бокал, Алмаз ждал разговора, ради которого приехал. Есть он не хотел, поэтому, положив на тарелку немного салата, выжидательно поглядывал на своих старших товарищей.

– Короче, такое дело... – многозначительно произнес Лука, доставая из пачки «Мальборо» сигарету.

Привыкший к тому, что Эдик курит как паровоз и частенько забывает носить с собой зажигалку, предусмотрительный Алмаз, чтобы вовремя угождать шефу, уже давно обзавелся модной Zippo Skull с рисунком черепа на корпусе и подпружиненной крышкой, которая легко открывалась одной рукой. Вот и сейчас он ловко поднес пламя к сигарете Луки.

– Красивая, – сощурился Алмаз, похвалил банкир.

– Могу подарить, – не растерялся Алмаз.

– Своя есть, – выдыхая клуб сизого дыма, ухмыльнулся Лука и достал из кармана почти такую же зажигалку Zippo, только из натурального золота. На верхней крышечке была выгравирована горизонтальная восьмерка.

– Знак бесконечности, – догадался Алмаз, – красиво.

– И это тоже, – кивнул Лука, – но на самом деле этот знак называется «коз», это тамга древнего казахского рода аргын.

– А у меня жена из этого рода, – вспомнил Алмаз, – надо будет ей тоже что-нибудь подарить с такой тамгой.

– Подаришь! И с тамгой, и с бриллиантами!

Эдик и Лука переглянулись и засмеялись.

– Ты понимаешь, Алмаз, в какое время мы живем? – вкрадчиво и словно взвешивая каждое слово, уже серьезным голосом произнес Лука. Вопрос был явно риторическим, и Алмаз напрягся в ожидании, что последует дальше.

– Это время больших возможностей, и всем думающим людям нужно не упустить его!

Он поднес палец к губам и подмигнул Жентуриеву:

– Слышишь? Отовсюду доносится... Шух, шух, шух...

Алмаз напряг слух, но ничего не услышал. Глядя на его сосредоточенное лицо, приятели громко рассмеялись.

– Повсюду шуршат деньги, Алмаз! Их дербанят вокруг тебя все, кому не лень, а ты не слышишь... Это благодатное время скоро закончится, поэтому нужно торопиться! Мы решили прокачать одну тему... Фактически беспроигрышную.

– Хорошо, – кивнул Алмаз. – Что делать?

– Ты новости читаешь? Про то, как воруют якутские бриллианты, слышал?

Алмаз смутился и лишь отрицательно качнул головой.

– Как считаешь, Алмаз? Может тебе подфартит драгоценными «тёзками» разжиться?

– Вы предлагаете мне украсть бриллианты? – обалдел от такого поворота Жентуриев.

– Фу... Зачем так говоришь? – брезгливо поморщился Эдик. – Мы всё красиво сделаем, есть отличный план! Да и потом, знаешь, как сейчас наши русские партнеры говорят: «Украл, не поймали – значит заработал!»

То, что дальше поведали мужчины, можно было сравнить с сюжетом криминального боевика. В общем, ни много ни мало, но у патронов Алмаза имелись прикормленные людишки на одном из якутских рудников. Эти хитроумные жу-

лики хоть и не занимали ключевых должностей в правлении компании, но и при своих скромных возможностях разработали весьма устойчивую цепочку, позволяющую безнаказанно расхищать государственную собственность. Чтобы не подкупать охрану, производящую тщательный досмотр каждого работника, покидающего рудник, и не пытаться пронести алмазы в постыдных частях тела или зубных протезах, бриллианты в прямом смысле смывали в унитаз, не покидая здания конторы. Другое дело, что спецпакетики снабжались радиомаячком, на сигнал которого ориентировался человек, обслуживающий канализационный коллектор общего назначения. Дальше «секретные бандероли» передавались водителям карьерных большегрузов, а те уже доставляли их на специальные точки, откуда и шла нелегальная торговля.

В новые обязанности Алмаза вменялось мотаться по точкам в сопровождении геммолога (эксперта по драгоценным камням), выбирать самые качественные алмазы и доставлять их в Алматы. Алмазу давался полный карт-бланш по действиям на местах, выбора вариантов доставки и распоряжением деньгами в пределах установленных Лукой лимитов. Однако были установлены и запреты. Первое, в командировках всегда носить при себе GPS-трекер для определения местоположения, и второе, самое главное, никогда не покупать для себя на точках камней величиной более двух каратов.

– Узнаем, что крупные камушки себе приобретаешь – закопаем! – пригрозил Эдик.

Алмаз, конечно же, пообещал, что ни за что и никогда, да и вообще зачем ему драгоценности, если при новых обязанностях его постоянный доход и так в два раза увеличивается.

– Ай, молодец, – рассмеялся Эдик. – Всеу свое время! Придет твой час – поднимешься! К тому же мы скоро на твою фирму кредит возьмем и, если всё нормально пройдет, вы с Амантаем твоим долларовыми миллионерами станете. Доллар-то как попер, уже шестьдесят тенге стоит. Торопиться нам надо...

И, может быть, всё происходило бы по разработанному Лукой и Эдиком плану, если бы геммологом не оказалась Инга.

Привлекательной эстонке было сорок два года, но разница в возрасте с новым напарником её ничуть не смущала. Её компетентность и умение торговаться были эквивалентны её мастерству соблазнять всех, на кого ей только стоило положить глаз. Не устоял и Алмаз. Страстные ночи с безбашенной дочерью Прибалтики пришлись Жентуриеву по вкусу. Видимо, и он не разочаровал Ингу, потому как возрастная нимфа стала делиться с ним своими знаниями. Алмаз узнал многое.

Во-первых, его боссы хоть и тратили на камушки огромные, по его меркам, деньги, по факту покупали необработанные бриллианты за бесценок. Владельцы ворованного стремились сбыть алмазы быстро и за цену не цеплялись. Во-вторых, цветные камни, особенно розовые, голубые и черные, гораздо перспективней прозрачных. В-третьих, цена за карат у крупных камней всегда выше, чем у мелких. Ну, и в-четвертых, Алмаз будет полным кретином, если не воспользуется ситуацией и не накупит крутых камней лично для себя. Инга просто настаивала, что ему нужно как можно больше денег вкладывать в камни прямо сейчас. Она, как и Лука, была уверена, что лавочку скоро прикроют, ибо лафа не может длиться вечно.

Продолжение в № 10, 2024.